

Евгений Бриз Анархия разума

987

Звонит будильник. Джонни ощущает его едва ли не подкожное проникновение. Семь ноль-ноль утра. Налитое свинцом тело выбирается из персональной капсулы. Джонни зол, но с каждым новым утром злость почему-то ощущается не так остро. Джонни напуган, что однажды он перестанет вообще что-либо чувствовать.

– Джонни продолжает думать о себе в третьем лице, – говорю я вслух и тут же добавляю: – Это ведь полезная привычка. Или нет?

Я встаю рядом с узким окном и смотрю на серое искусственное небо Муравейника. Будто в предвкушении долгожданных перемен.

Подхожу к шкафу, двери раздвигаются автоматически. Выбираю новый костюм, рубашку, туфли. Все они одинаковы, тем не менее, у меня всегда есть выбор. Забавно. Ха-ха.

Я подношу руки к лицу. Трогаю гладкую и холодную, как мрамор, маску. От ненужных размышлений отвлекает звонок в дверь. Это Дэннис. Или Карл. А может, Джаспер.

Я молча выхожу из квартиры. Мы вместе идём по тротуару вдоль десятков идентичных друг другу многоэтажек. Ещё не рассвело окончательно, но всё равно отчётливо видна витающая в воздухе привычная дымка. Говорят, это душа неба, которое давно умерло, и его заменили мрачной имитацией. Улицу освещают фонари и светящиеся окна домов.

– Как спалось? – спрашивает мой попутчик. – Кошмары не снились?

Вероятно, это всё же Дэннис, раз ему известно о моих снах.

– Сегодня нет, – отвечаю я. – У вас с Кэтрин всё хорошо?

– У Дэнниса и Кэтрин всё отлично, – звучит ответ.

Мы заходим в офисный центр корпорации "Персона".

Перед лифтом стоит несколько человек. В одинаковых костюмах и синих масках.

– У тебя трещина на скуле, – замечает один из них, глядя на Дэнниса.

– Мелкая ссора с женой, – невозмутимо отвечает он.

– Тебе следует обратиться в ремонтный отдел, – советует учтивый коллега.

– Дэннис так и сделает.

Мы заходим в просторную кабину лифта. Наш офис – на шестом этаже. В семь тридцать начинается рабочая смена. Я занимаю место за столом, включаю планшет и погружаюсь в анализ полученных графиков. Алгоритм действий отлажен, я делаю это практически на автомате.

Мысли то и дело уводят меня к прошедшей ночи. Я соврал – мне снова приснился тот сон. Впрочем, Дэннис тоже соврал насчёт трещины.

988

До Известных Событий всё было иначе. Никто не знает, как, но совершенно точно – по-другому. Да и о самих Событиях ничего не известно. Забавный каламбур, да?

Кто-то говорит, что мы все умерли, как и небо, отражающее нашу суть. Если это так, то загробный мир чересчур пресен.

Иногда мне снится сон. Он уносит меня в день далёкого прошлого, когда я познакомился с девушкой своей мечты. Хотя было ли это прошлым, а не очередным олицетворением грёз?

Мы с Дэннисом едем в красной спортивной машине по трассе. Нам весело. Я вижу его лицо – улыбающееся, живое, с россыпью мимических морщин вокруг глаз и на лбу. У него нос картошкой и слегка оттопыренные уши, но при этом его всё же можно назвать симпатичным.

Своего лица я не могу разглядеть, вижу лишь голубые глаза в отражении салонного зеркала. Да и то если вытянуть голову.

Мы шутим о девушках, у Дэнниса их было куда больше, чем у меня. Ему повезло, что он женился до того, как всё случилось. По крайней мере, он не один.

Я замечаю на обочине голосующую девушку в розовой юбке и белой майке. Торможу в пол. Дэннис недовольно фыркает и стряхивает с себя остатки чипсов. Я оборачиваюсь назад – девушка семенит к машине. Я стараюсь разглядеть её лицо, но яркое солнце нещадно слепит меня. Её черты размыты, и когда она оказывается совсем близко, я просыпаюсь.

Я не знаю, где она и что с ней. Я даже до конца не уверен, была ли она реальна. Если да, то моё знакомство с Ванессой продлилось совсем недолго, нас постигли Известные События, но она – лучшее, что случилось со мной в той жизни. Я вспоминаю о ней каждый день и каждый час. И постоянно проклинаяю себя за то, что не сумел удержать в памяти её отчётливый образ. Я бы отдал всё за возможность оказаться с ней рядом... Но у меня нет ничего, кроме снов.

989

Мне на плечо ложится чья-то тяжёлая кисть.

– Почему ты не идёшь на перерыв? – спрашивает гигант. Это Джаспер. Сто процентов.

– Джонни задумался. – Я встаю и иду с ним в холл.

Джаспер предлагает мне журнал. Минут двадцать мы молча читаем о правильном социальном поведении. К нам присоединяется Дэннис со свежей замазкой на скуле.

– Что они тебе сказали? – спрашивает Джаспер, не поднимая головы.

– Как обычно. Думали, Дэннис хотел разбить маску.

– Ты ведь хотел, – утвердительно вставляю я полушёпотом.

– Дэннис похож на психа? Он никогда о таком не помышлял!

– А у Джаспера было пару раз, – вдруг признаётся гигант.

Мы с Дэннисом тарачимся на него.

– Да, это отмечено у него в досье. Только он не помнит, зачем так поступил, – заканчивает Джаспер.

– Наверно, ты хотел повидаться с Еленой, – предположил я. – После того, как она сняла маску и её списали в Утиль.

– С кем повидаться? – переспрашивает великан.

– Ты не помнишь Елену, свою жену? Её списали месяц назад.

– Нет.

– Дэннис её тоже не помнит. Она работала в нашем офисе?

– Нет, она работала с Кэтрин. Спроси её, может, она помнит.

– А почему ты её до сих пор помнишь? – спрашивает Джаспер.

– У Джонни хорошая память. Не такая, как у вас, болванов. Но скоро и он забудет.

– Скоро мы забудем свои имена. – Дэннис отбрасывает журнал и смотрит на меня сквозь непроницаемые линзы маски. – Кстати, забыл сказать. Мистер Морти хотел тебя видеть.

Член совета директоров проявил интерес к моей персоне? С чего бы вдруг?

– Ты уверен? – переспрашиваю я.

– Это случилось пятнадцать минут назад. Даже болван не успеет забыть.

Я встаю с кожаного дивана и иду к лифту. Поднимаюсь на тридцать шестой этаж и стучусь в кабинет мистера Морти. Он сидит, как всегда, в тёмном углу кабинета. Свет от прожекторов светит из-за его спины, из-за чего невозможно рассмотреть лица. Никто не знает, носят ли маски члены совета директоров. Скорее всего, да.

– Мистер Джонни, – раздаётся мягкий голос из темноты. – Присаживайтесь.

Я сажусь в кресло странной конструкции. Оно пугает наличием дополнительных приспособлений на подлокотниках. По слухам...нет, сейчас об этом нельзя даже думать.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает мистер Морти. – Как настроение?

– У Джонни прекрасное настроение и самочувствие, – без раздумий отвечаю я.

– Вы отличный сотрудник, – неожиданно хвалит меня босс. – Вас всё устраивает в нашей фирме? Ничего не угнетает?

– Нет, сэр. Джонни всем доволен.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Я боюсь даже подумать о чём-то. Говорят, на столь близком расстоянии боссам доступны мысли сотрудников. Лучше я вернусь к описанию от третьего лица.

Джонни начинает ощущать, как под холодной маской образовывается испарина. Мистер Морти будто видит это из своего тёмного угла кабинета.

– А маска? – спрашивает он. – У вас не возникает желания снять её и показать всем, в том числе и себе, своё лицо?

– Никогда, сэр, – с готовностью отвечает Джонни. – Это ведь опасно, сэр.

Джонни кажется, что он видит, как босс удовлетворительно кивает.

– Ведь маска – это единственное, что защищает сотрудника фирмы от Анархии разума, – добавляет Джонни.

– Вы свободны, мистер Джонни, – говорит босс. – Продолжайте работать.

990

Вечером после смены мы идём с Дэннисом, Кэтрин и Джаспером на онлайн-концерт. Играет, как и всегда, группа "Блю мен групп". После их музыки всегда болит голова, но мы обязаны ходить на концерты дважды в неделю. Как сказано в инструкции сотрудника, музыка группы "Блю мен групп" предотвращает развитие скрытой Анархии разума.

Её боятся все. Даже те, кто осмеливаются снять маски. Невозможно не бояться. Они отрываются от реальности, поэтому их списывают в Утиль – как принято считать, это большая чёрная комната без единого лучика света, где списанные находятся круглые сутки. Никто не желает туда попасть, но у некоторых желание избавиться от маски и увидеть своё лицо оказывается сильнее страха. На самом деле они бегут от Великой Рутины Муравейника. Ибо ни из Рутины, ни из Муравейника нет иных выходов. Только вот напрасные жертвы это всё, если верить инструкции. Через несколько секунду после снятия маски начинаются первые признаки Анархии. В ушах звучит искажённая музыка группы "Блю мен групп", а перед глазами всё плывёт и расплывается. Кто-то возвращается в свои сны и остаётся там навсегда...

991

Зеркал нет нигде. Их изъяли. Как и всё, что относилось к жизни до Известных Событий. Я – злостный нарушитель, потому что утаил от них две вещи – блокнот с записями и осколок настенного зеркала шириной с планшет. Пустой блокнот и зеркало я нашёл давно в заброшенном районе Муравейника, куда мы с Дэннисом один раз рискнули выбраться. Тогда Дэннис очень испугался, что я взял эти вещи с собой, но уже через несколько дней он забыл про нашу вылазку и про всё, с ней связанное. Я и сам начал забывать. Тогда и понял, что единственный способ сохранить воспоминания – записывать их. Воспоминания испаряются, как дым, вздымающийся в небо.

Всё, что я пишу в нём – не более чем мои представления о прошлом, навеянные снами. По их обрывочному смыслу я стараюсь удержать в памяти представление о той жизни, которой я жил прежде. Я настойчиво убеждаю себя в том, что это истинные воспоминания, а не всего лишь мечты. Наверное, я никогда этого не узнаю наверняка.

Порой я смотрю в зеркало и вижу идеально гладкую синюю маску с безжизненным взглядом тёмных линз.

Противно пищит будильник. Семь ноль-ноль утра. Джонни давно не спит, он выползает из персональной капсулы и несколько минут сидит неподвижно. Статика – такое слово приходит ему на ум. Он тянется за блокнотом и записывает обрывки ночного сна, ещё не выветрившиеся из головы.

В этот раз я вижу широкий берег озера, покрытый зелёной травой. Вновь ярко светит солнце. В Муравейнике я никогда не видел яркого солнца. Только во снах.

Дэннис кричит мне раздеваться быстрее, он жаждет искупаться в прохладной воде. Он в одних плавках бежит к озеру, оглядываясь на меня. Я вижу его улыбающееся лицо.

Я быстро избавляюсь от одежды и устремляюсь вслед за ним. Вода приятно охлаждает раскалённое тело. Мы резвимся как дети, вокруг никого. Вдруг мне в голову приходит мысль разглядеть своё лицо с помощью гладкой поверхности воды. Я останавливаюсь, стоя по пояс в воде, и тщетно стараюсь уловить отражение. Но поверхность беспокойна и мутна – я не вижу даже своих ног. В этот момент я понимаю, что это сон и скоро мне предстоит оказаться в холодном тесном гробу.

– Перестань беситься, Дэннис! – кричу я своему другу. – Замри! Я хочу посмотреть, пока не поздно!

– На что? – спрашивает он и начинает мутить воду ещё сильнее. – Тебе нельзя смотреть, иначе ты сойдёшь с ума.

От страха я просыпаюсь раньше будильника и неподвижно лежу в капсуле целых два часа. Статика. Почему-то ну ум приходит лишь одно это слово.

Новый день начинается нетривиально – нас знакомят с новым сотрудником. Её зовут Пэйдж, она перевелась из соседнего квартала. По забавному стечению обстоятельств её место находится по соседству с моим. Последнюю неделю оно пустовало – моего коллегу списали в Утиль по стандартной причине – нарушение целостности маски.

– Ты странный, – вдруг доносится до меня.

Я поворачиваю голову, Пэйдж смотрит на меня, прекратив работу. Такое недопустимо, для общения есть получасовые перерывы каждые три часа. Тем не менее, любопытство берёт верх над осторожностью и корпоративной дисциплиной.

– Почему Джонни странный? – спрашиваю я.

– Пэйдж чувствует это, – отвечает Пэйдж. Я не вижу её глаз, но мне кажется, она ни на секунду не сводит их с меня. – У неё хорошо получается ощущать внутренний настрой людей. Снаружи они все одинаковы, но внутри...далеко нет.

Я прихожу в лёгкое замешательство. Ещё никто ни разу мне о таком не говорил. Может быть, она – засланный казачок? Проверяет дисциплинированность сотрудников корпорации. Нельзя выдавать себя. Ни в коем случае.

– Ты нервничаешь, – это звучит в утвердительной форме. Тем не менее, я оспариваю:

– Нисколько. Джонни просто удивлён. И вообще, если хочешь поговорить об этом, то в перерыве. Сейчас идут рабочие часы.

Пэйдж кивает. От меня не ускользает некий оттенок разочарования в этом нехитром жесте.

– Хорошо, – соглашается она. – Ты ведь ответственный сотрудник, на хорошем счету у руководства.

Издёвка? Насмешка?

Когда наступает перерыв, я увожу Пэйдж в холл и шепчу:

– Что за игры? Тебя послал совет директоров?

Она смеётся. Я слышу её смех, исходящий из-под застывшей холодной маски. Очень редкая эмоция. Я оглядываюсь по сторонам. Несколько человек обращают на нас внимание.

– Прекрати смеяться! – зло говорю я.

– Почему, если Пэйдж смешно? – невозмутимо спрашивает девушка.

– Здесь нет ничего смешного.

– Ты думаешь, Пэйдж заслала в ваш офис с целью выявить нарушителей социального режима?

– Может, и так.

Пэйдж прислоняется к стене и откидывает голову.

– Вечером после работы, – говорит она и намеревается уйти.

Я хватаю её за локоть.

– Что вечером после работы?

– Пэйдж кое-что покажет тебе.

С этими словами она возвращается на рабочее место. Остаток смены я не могу сконцентрироваться, поэтому медленно и скверно выполняю свою работу.

994

– Я веду записи, – заявляет Пэйдж во время прогулки по парку. Она настояла на разговоре в парке, в самом безопасном, по её мнению, месте.

От неожиданности я останавливаюсь, не в силах пошевелиться. И я не знаю, чему удивляться больше – тому, что она вела записи или тому, что она произнесла самое запретное из всех слов – "я".

– Это злостное нарушение порядка, – наконец, выдавливаю из себя я и добавляю стандартную для таких случаев фразу, прописанную в Уставе: – Джонни следует донести информацию до руководства "Персоны".

Я слышу усмешку.

– А почему Джонни до сих пор не донёс на себя?

Я чувствую, как сердце с глухим стуком падает к ногам. Это действительно проверка. Умелый блеф. Только к чему он, если им всё про меня известно? И тут до меня доходит.

– Всё ясно. Ты решила шантажировать Джонни?

– На кой чёрт мне это надо? Я тебе объяснила, что чувствую людей. И тебя я заприметила давно. Потом узнала, что ты дольше всех сохраняешь воспоминания, а это возможно лишь в одном случае – если ведёшь записи. Скажи, что я не права?

Я стою обездвиженный, не в силах ничего сказать, ни пошевелиться. Где-то в глубине души загорелся тусклый огонёк радости от осознания того факта, что я оказался не единственным в своём роде.

– Допустим, – говорю я, не выдавая своих чувств. – Ты хочешь обменяться воспоминаниями? Дневниками?

– Я хочу увидеть своё лицо. Ты далеко не первый, ведущий записи, кого я встречаю, но ещё ни разу мне не попался хранитель зеркала.

– А про него ты откуда узнала? – удивляюсь я.

– От твоего друга.

– Дэннис? Он не забыл! Собака! – ругаюсь я. – Как он мог выдать мою тайну первой встречной незнакомке?!

– Пришлось применить некоторые уловки и остаточные навыки соблазнения.

Я не верю своим ушам.

– Ты его соблазнила?

– Да. Это было легче, чем я думала. Правда, Дэннис не смог скрыть правду от жены. Совесть замучила.

– Так вот откуда у него трещина, – в задумчивости произношу я. – А Джонни решил, что он пытался разбить маску.

Пэйдж качает головой.

– Он не из тех, кто на такое способен. Он – стопроцентный продукт "Персоны". Дисциплинированный, ответственный и не стремящийся заглянуть за кулисы.

Некоторое время я обдумываю всё сказанное.

– Если Джонни даст тебе зеркало, то они обязательно узнают, у кого ты его взяла, – говорю я. – После того, как они тебя непременно схватят.

– Как они узнают?

– Начнут проверять всех, с кем ты имела контакты в последний месяц. Доберутся до Джонни и обнаружат записи. Два плюс два равно...

– Пять, – говорит Пэйдж. – Я покажу тебе место, куда ты сможешь спрятать свои записи на некоторое время. А ещё лучше – навсегда. Оно куда безопаснее личной квартиры.

– Что за место? – спрашиваю я.

– Не могу сказать, пока ты не передашь мне зеркало, – звучит ответ.

– Ещё такой момент: Джонни в любом случае лишится этого бесценного осколка. Навсегда.

– Зато он обретёт безопасное место для хранения дневника. Не будет проспать по ночам в холодном поту и в страхе быть разоблачённым. А ещё, – Пэйдж заговорщически понизила голос, – мы можем проверить всё и вдвоём. А если ты до сих пор не сподобился использовать зеркало для единственной дельной цели, то за каким чёртом оно тебе нужно в дальнейшем? Продолжай работать на благо "Персоны" как добропорядочный сотрудник, не задавая лишних вопросов. Бери пример с Дэнниса.

Я снова принимаю задумчивую позу. Очень заманчивое предложение. При условии, что девица не врёт.

– Джонни надо подумать, – говорю я и возобновляю прогулку. Пэйдж следует за мной, но намеренно начинает отставать.

– Жду ответа завтра утром на этом же месте за полчаса до начала рабочей смены, – бросает она мне вслед. – И ещё. Прекрати говорить о себе в третьем лице, когда мы вдвоём. Меня это нервирует.

995

Я возвращаюсь домой, сажусь на кровать и в тысячный раз прислоняю ладони к холодной маске. Это непростой выбор. Синица или журавль, рутинная безопасность или яркая смерть? Или того хуже. Никто не знает, что на самом деле представляет собой Утиль. Лишь слухи и молва.

Я ложусь спать в капсулу без готового решения.

В этот раз мне снова снится озеро. Удача! Будто я вернулся в тот момент, когда страх меня выдернул из сна в прошлый раз. Дэннис продолжает беситься как дитя и баламутить воду, чтобы я не смог увидеть гладкую отражающую поверхность. Я спокойно и без резких движений отступаю в сторону и терпеливо жду, пока мой друг не оказывается достаточно далеко. Заигравшись, он этого не замечает. Я застываю на месте и инстинктивно даже замедляю дыхание, дабы не создавать лишних колебаний.

Вода вокруг меня умиротворённо играет едва заметной рябью от лёгкого ветерка, илистая муть неумолимо оседает на дно. Момент истины близок. Я смотрю вниз. Концентрируюсь на своём отражении, но именно в этом месте ряби почему-то больше. Моё лицо размыто, я никак не могу уловить его черт. Дэннис понимает, что оказался слишком далеко. Он кричит мне не делать этого и бросается вплавь ко мне. К счастью, плавает он медленно, к несчастью – неумело, создавая чересчур много колебаний и брызг. Впрочем, он ещё достаточно далеко, и его заплыв не имеет никакого отношения к тому, что я не могу разглядеть своё лицо. Странная локальная рябь перемещается туда-сюда вместе со мной. В лихорадочных попытках всё-таки узреть отражение, я теряю осторожность и сам становлюсь источником водных колебаний.

Неожиданно меня посещает догадка. Это не рябь на воде, это Анархия разума.

Мне становится страшно, я перевожу взгляд на берег и вижу её. Ванесса стоит в белом купальнике и машет мне рукой. Её образ не расплывается, но берег слишком далеко, чтобы отчётливо разглядеть черты лица. На какое-то мгновение я забываю обо всём, словно переживая события прежней, навсегда ушедшей жизни заново, как в первый раз. Первый день знакомства, озеро, жаркий поцелуй и длинный берег несбывшихся надежд.

Потом я вспоминаю, что это всего лишь сон. Ощущение времени обманчиво, вражеский будильник может разбудить в любую секунду. Нельзя медлить. Я кричу Ванессе идти ко мне, но она игриво качает головой и зовёт меня к себе. Я устремляюсь к ней, но продвигаюсь

катастрофически медленно. Сначала пытаюсь плыть, затем бежать по илистому дну наперекор упрямой воде, не желающей выпускать мои ноги из терпких объятий.

Когда до Ванессы остаются считанные метры, звонит будильник.

996

Утром я кладу завернутый в тряпку осколок зеркала между страницами своего дневника, который, в свою очередь, прячу между папками в рабочий портфель. Выхожу на полчаса раньше и направляюсь в парк.

Перед тем, как дать Пэйдж окончательный ответ, я делюсь с ней своими сновидениями. А так же опасениями по поводу Анархии разума.

– Если мои сны и общепризнанная теория не врут, то тебе не удастся разглядеть лицо. Твой разум тут же начнёт отслаиваться от реальности.

– Твои сны – всего лишь отражение так называемой общепризнанной теории, – говорит Пэйдж. – А я практически уверена, что она врёт.

Я молча нащупываю в портфеле зеркало, достаю его и протягиваю девушке. Затем поднимаю глаза и смотрю на искусственное небо, на это царство неживой материи. Через пятнадцать минут стартует очередная рабочая смена. Конвейер запустится и начнёт перемалывать остатки наших душ в своём рутинном и неизменном ритме.

– У жизни, лишённой смысла, есть лишь одно определение, – слова Пэйдж вторгаются в поток моих размышлений.

– Какое? – спрашиваю я, не сводя глаз с умершего неба.

– Статика, – отвечает девушка.

Я перевожу на неё взгляд и вспоминаю, что это самое слово зачастую приходит мне на ум после пробуждения.

– Я чувствую людей, – будто специально поясняет мне Пэйдж. – Я знаю, что ты думаешь точно так же. У тебя есть шанс совершить единственное доступное тебе действие.

– И лишиться жизни, – говорю я.

– Статичного существования. Мы давно лишились всего, что составляет истинную ценность. Мы забыли своё прошлое, свои лица и вообще то, кто мы есть на самом деле. Анархия разума – это то, что с нами происходит здесь и сейчас.

Проходит мучительно долгая минута.

– Где? – спрашиваю я.

Мне кажется, я вижу улыбку на лице Пэйдж. Столь же иллюзорную, как и сама жизнь.

997

Мы находим самый укромный уголок парка. В столь ранние часы людей вокруг почти нет. Лишь уборщик с метлой и пара рабочих, ремонтирующих лавки.

Пэйдж аккуратно распаковывает осколок зеркала и держит его на руках нежно, как ребёнка.

– Я узнавала, – говорит Пэйдж, – после нарушения целостности маски в «Персону» посылается сигнал, и у нас есть не более трёх минут до прибытия Контроля.

Я киваю.

– Готов? – спрашивает девушка и кладёт осколок на пенёк позади себя.

– Нет.

– Тогда начинаем одновременно по моей команде.

– Подожди, – спешу вставить я. – Хотелось бы узнать напоследок – что это за безопасное место для хранения дневника?

Девушка пренебрежительно отмахивается.

– Нет никакого места. Я всё выдумала, чтобы выудить у тебя зеркало.

Бесцеремонная наглость. Но я не успеваю опомниться, как Пэйдж кричит «Давай!» и начинает с силой стягивать с себя маску. Целостность уже нарушена, о чём возвещает протяжный писк. Три минуты пошли.

Я просовываю пальцы снизу, от подбородка, и чувствую, как маска нехотя отступает от моего лица. Но усилий явно недостаточно. Я выбираю более удобный хват и тяну её вверх со всей силы. Лицо обжигает огнём. Такое ощущение, что маска снимается вместе с кожей. Если так, то это будет крайне нелепый финал – отправиться в Утиль, увидев напоследок свой череп.

Наконец, усилия приносят плоды. Я избавляюсь от маски и инстинктивно бросаю её на землю. Прошла минута, не меньше. Время неумолимо уходит, но для меня оно будто начинает течь в замедленном воспроизведении. Я прикасаюсь к лицу. Оно гладкое, без единого волоска. Почти такое же холодное, как и сама маска. Неудивительно, ведь они были единым целым неведомо сколько месяцев, а может, и лет.

Я хочу взять зеркало с пенька, чтобы посмотреть, но замечаю, что Пэйдж не может справиться с маской. Мне кажется, я слышу сирену Контроля. Они совсем рядом. Или это пищит маска?

– Помоги мне! – просит девушка.

В её голосе присутствуют ноты страха, отчаяния и слёзной мольбы. Она не ожидала, что осуществить этот нехитрый план окажется так непросто.

Полторы минуты. Противоборствующие мысли носятся в мозгу на сверхскоростях, не позволяя мне прийти к конкретному решению. "Сейчас всё закончится, подумай о себе!" – "Если бы не она, ты бы никогда не решился на этот шаг! Ты обязан ей жизнью" – "Кого буду интересоваться твои обязательства, когда до вас доберётся Контроль?" – "Ты ведь не настолько холоден и бессердечен, Джонни. Подумай, что отличает тебя от остальных? Возможно, способность к сочувствию? Помощь ближнему?"

Словно на автомате я бросаюсь к девушке, грубо хватаю маску и пытаюсь оторвать её от лица, не обращая внимания на вопящую от боли Пэйдж. Теперь уже я явственно слышу сигнал Контроля, его ни с чем не перепутать. Они в парке, найти нас – дело на полминуты или меньше.

Совместными усилиями нам удаётся сорвать маску с лица Пэйдж. Её первым порывом было развернуться и схватить осколок зеркала, но что-то задерживает её на месте. Как и меня. Она смотрит на меня, а я – на неё. Никакой размытости, никаких преград. Образ мгновенно оживает в памяти, как пациент, испытавший клиническую смерть и благополучно вернувшийся к жизни.

– Джин? – Я улавливаю каждый изгиб её губ. Таких сладких и знакомых.

– Ванесса, – произношу я полужёпотом.

Для выяснений нет времени. Уже слышны шаги сотрудников Контроля, их переговоры.

Мы стоим рядом подобно застывшим статуям, не в силах пошевелиться и осознать, что же всё-таки с нами случилось.

Я закрываю глаза. Мне не страшна темнота Утиля. Меня не гложет то, что я так и не увидел своего лица. Больше всего я боюсь одного – что всё случившееся окажется сном, и я проснусь в тесном гробу на заре нового дня.

Будильник не звонит. Я не вижу узкого окна, за которым простилается мёртвое небо. Я не вижу ничего, пока где-то вдалеке темноту не разрывает крохотный луч света. Затем он становится больше, и я понимаю, что это открытая дверь. Я шагаю по невидимому полу, наступаю на твёрдые выпуклости. Они трескаются и проламываются под моим весом. Их слишком много. Приближаясь к свету, я обнаруживаю, что весь пол усыпан старыми почерневшими масками.

У входа стоит человек с живым лицом. Карие глаза, тонкие усики и курчавые волосы. Он жестом призывает меня покинуть чёрную комнату.

Вокруг светло и много людей. Все без масок. Они выглядят именно так, как я и представлял прошлую жизнь. Мужчины во фраках или пиджаках, женщины в вечерних платьях. Они стоят полукругом. Моё появление вызывает грохот овалов. Только тогда я понимаю, что абсолютно гол, но не предпринимаю никаких попыток прикрыть наготу хотя бы отчасти.

– С возвращением, Юджин! – говорит чей-то голос.

– Куда? – спрашиваю я.

– Домой, – раздаётся сбоку от меня.

Я поворачиваюсь и вижу Ванессу. В ослепительном наряде и на высоких каблуках. Она так близко от меня, что я чувствую пленительный запах её парфюма.

– Но... Что?..

Она кладёт палец мне на губы и кивает куда-то в сторону.

– Мистер Морти ждёт тебя, – говорит она.

– Мистер Морти?..

Кто-то протягивает мне костюм и произносит:

– Лучше тебе надеть вот это, парень. К генеральному директору обычно не ходят голышом.

Мне помогают влезть в бельё, затем в брюки и пиджак. После чего проводят по лестнице к знакомому кабинету. Я с порога узнаю его интерьер. Из угла светят прожектора, стоит сиротское кресло для посетителей.

– Юджин, присаживайся, – доносится до меня голос директора.

Я сажусь в кресло, несколько обескураженный его вольным обращением ко мне. Прожектора гаснут, и я вижу перед собой узкий стол и человека среднего возраста на противоположной стороне. Он улыбается. У него острые черты лица, большие глаза и пробивающаяся сквозь черноту волос седина.

Мы молчим целую минуту, пока он первым не начинает говорить:

– Вот мы и встретились при более благоприятных обстоятельствах. Смею предположить, жизнь в Инкубаторе тебе была не по вкусу.

– В Инкубаторе?

– Да. Тебе он знаком изнутри под названием Муравейник. Город, где всем заправляет таинственная фирма «Персона». Только город намного меньше, чем кажется изнутри, а у таинственности фирмы есть прозаическая правда.

– Я не понимаю, – признаюсь я.

Мне удалось во время осечь себя и не произнести фразу "Джонни не понимает".

Мистер Морти начинает терпеливо объяснять мне суть происходящего. И ныряет с места в карьер:

– На Земле остался лишь один материк, пригодный для жизни – Австралия. Практически вся остальная суша уничтожена последствиями ядерной войны, начатой во второй половине двадцать первого века Китаем и США. Скоро и Австралийский континент ждёт неминуемая гибель. Через две недели уцелевшая часть человечества на крупнейшем корабле "Ной" покинет Землю навсегда в поисках нового дома. Мест на всех не хватит. Поэтому мы и ведём отбор счастливых с помощью так называемого Инкубатора.

– Муравейник нереален? – спрашиваю я.

– Вовсе нет. Он реален. Это целый район Аделаиды. Тебе повезло родиться австралийцем, но у Земли из-за радиации больше нет будущего. Запасы и кислород в убежищах неминуемо иссякнут, поэтому нам и пришлось сконструировать "Ной". Его ресурс так же ограничен, однако его мобильность даст нам шанс найти новое место для жизни.

– Значит, вы ведёте отбор тех, кого брать с собой? – продолжаю задавать я вопросы. – И по какому принципу вы определяете счастливых?

Мистер Морти вздыхает и начинает будто с оправдательного пояснения:

– Выживших было слишком много даже для столь крупного судна, как "Ной". Многих неизбежно пришлось бы оставить на Земле. Есть несколько убежищ, куда мы и переправим часть оставшихся, но это лишь отсрочка от неминуемой смерти. Первоначальной идеей было выделять места на корабле по жребию, пока не началась междоусобная война за право спасения. В итоге

нам, горстке лидеров поредевшей цивилизации, пришлось принять непростое решение – превратить район одного из городов в своеобразный загон для потерявших контроль над эмоциями людей. Буду откровенен, многие не дожили до попадания в Инкубатор. Их пришлось просто уничтожить, пока они не уничтожили нас. Тех, кого удалось усмирить, мы погрузили в своеобразную ирреальность с помощью масок, воздействующих на разум. Изобретение наших гениев, достойное Нобелевской премии. Они успели спасти японские разработки и завершили работу очень вовремя. Покуда на человеке остаётся маска, его разум находится в нашем ведении. Мы способны влиять на его память, мысли и даже эмоции. Изменять восприятие времени. Однако мы не злоупотребляли своим влиянием, ограничившись только базовыми изменениями личностей: ограничили воспоминания, ускорили течение времени и внушили всем одинаковую легенду об Анархии разума, Известных Событиях и прочем, о чём ты и без того хорошо знаешь.

– Для чего? – автоматически спрашиваю я и тут же даю свой вариант ответа: – Чтобы проверить, какие из лабораторных крыс окажутся самыми непослушными?

– Именно, – подтверждает директор. – В данном случае непокорность системе рассматривается как плюс. Тот, кто готов жить обезличенным человеком-функцией в Муравейнике и беспрекословно выполнять любые указания, пусть там и остаётся. А нам нужны личности, готовые рисковать и находить выходы из сложных ситуаций. Это умение пригодится в мире будущего, если мы хотим сохранить и воссоздать нашу цивилизацию где-то ещё в галактике. Нам не интересны персоны, как архетипы, для которых скрывающие маски становятся лицами. Ещё Карл Юнг писал, что персона представляет собой социальную роль, которую играет человек, выполняя требования общества. Маска должна служить лишь защитным слоем, но не становиться лицом. Те, кто пытался идти против течения и первое время умело это скрывал – именно такие личности нам и нужны.

Я пытаюсь переварить килотонны информации быстрее, чем мой мозг способен это сделать. Логика отбора мне кажется чересчур утопичной, чтобы быть правдой. Зачем лидерам нужны такие же индивидуалисты, не проще ли взять с собой послушных исполнителей для возрождения цивилизации? Однако сомнения я оставляю при себе и задаю иной вопрос:

– Вы знаете всех, кто нарушает законы Муравейника? Делает записи, говорит о себе в первом лице и ищет способы увидеть то, что спрятано под маской.

Ответом мистера Морти служит лёгкий кивок и довольная улыбка.

– Да, Юджин. Нам известно всё о каждом жителе Инкубатора. Теперь ты знаешь, почему оказался здесь.

Я невольно меняю направление беседы.

– Ванесса и я... Это реально?

– Отчасти. Твои чувства к ней действительно были столь сильны, что воспоминания сохранялись в глубинах твоего разума и всплывали во время сновидений. К слову, сны – священная сфера каждого индивида, мы никогда не вторгаемся в них. К сожалению, про глубину её чувств к тебе не могу сказать того же. Ты для неё был всего лишь временной забавой, попутчиком на тернистом жизненном пути до Известных Событий. Да, избавившись от маски, она тоже вспомнила тебя, но я не уверен... – Директор запинается. – Впрочем, не мне судить. Как сложатся ваши дальнейшие отношения, зависит теперь только от вас. Теперь отношения... "Ной"... От вас... – Он снова запинается, и мне кажется, что его лицо как-то неестественно дёрнулось. – Как... не уверен. Муравейник реален. Маски. Ванесса и ты – это... Австралия... Небо умерло...

Образ мистера Морти начинает дёргаться, а затем и рябит, как сбившийся канал. Я в ужасе смотрю на него. Кабинет вибрирует, постепенно размывается всё вокруг. Мистер Морти смеётся, с его уст отчётливо срывается слово "болван".

Я подсакиваю и выбегаю в коридор. Там удаётся сфокусировать зрение на лестнице. За спиной доносится неприятный гул, будто меня преследует рой ос.

Я возвращаюсь в холл. Но вместо толпы в вечерних нарядах и шума весёлых голосов меня встречает пустота и зловещая тишина. Тусклый свет освещает ветхое помещение. На дальней

стене висит широкое двухметровое зеркало. Ноги сами несут меня к нему. Я останавливаюсь напротив зеркала и кричу.

На меня смотрит человек в костюме и синей маске. В отражении на заднем плане я вижу толпу таких же людей. Все мы стоим неподвижно, в статике, и смотрим на зеркала перед собой.

Кто-то грубо нацарапал на поверхности фразу: "Вколи вакцину".

Я сжимаю кисти в кулаки и начинаю изо всех сил бить по зеркалу. Оно покрывается редкими трещинами, но не поддается. Тогда я размахиваюсь и ударяю маской. Ещё раз. И ещё. Мне не больно или я не чувствую боли. Чёртово зеркало продолжает отражать. Я вижу, что маска почти раскололась, но и не думаю останавливаться.

Наконец, поверхность не выдерживает, и на меня осыпаются десятки осколков.

999

За ними оказывается ещё одно зеркало, только в нём не я, а мистер Морти. Он смотрит на меня печальными глазами, его рот искривлён в подобии улыбки.

– Мне жаль, Джонни, – говорит он.

– Я ведь Юджин! – заявляю я.

– Тебе всегда нравилось это имя больше собственного.

– Что происходит?

Мистер Морти переминается с ноги на ногу. И качает головой.

– Анархия разума, – наконец, произносит он, – постигла тебя. Побочное действие вакцины.

– Какой вакцины?

– Которую ты вколол себе, дабы спастись от эпидемии. Якобы спастись. Планета действительно мертва, Джонни. Цивилизация тоже.

– Но как же "Ной"?..

Мистер Морти махает рукой:

– Утопия. Прописанный в вакцине сценарий спасения. Колыбельная для угасающего разума.

– Я ни черта не понимаю, – признаюсь я.

Мистер Морти сочувственно кивает:

– По какой-то причине препарат перестал действовать, как должен. В твоих грёзах произошёл досадный сбой. "Корпорация Спасения" никому не хотела зла. Мы посчитали, что обречённым на смерть лучше встретить её в объятиях иллюзии спасения, чем бессмысленно проливать кровь за остатки ресурсов и последние мгновения жизни. Это был бы слишком жестокий финал для человечества. А так... Своего рода эвтаназия. Безболезненная и приятная. Правда, не для всех. Но это не наша вина. Брак на конвейере.

Он пожимает плечами точно извиняясь.

– Я должен был постоянно видеть сладкий сон о спасении? – спрашиваю я, начиная всё понимать.

– Да. Но у тебя с самого начала пошёл не тот "сон". Вакцина перемешала в твоей голове всё, как неумелый кулинар. Прописанную иллюзию спасения изрядно пропитала твоими личными мыслями, переживаниями и воспоминаниями. Получился скверный коктейль. А сейчас у тебя отрыжка. В моём лице. Этой беседы не должно было быть.

– Значит, вы – очередное воплощение сна?

– Вроде того. Я – страховочный образ в программе вакцинации. Как раз для подобных случаев. Моя цель – объяснить тебе ситуацию и успокоить.

– Успокоить, – повторяю я. – И как же?

Мистер Морти разводит руками:

– Эвтаназия. Завершить начатое.

– Убить себя я могу и сам, – недовольно бросаю я.

– Да, но зачем, если есть способ ещё проще?

Действительно.

– Есть другой вариант, – предлагает мистер Морти. – Можем попытаться запустить иллюзию заново. Возможно, тебе повезёт, и ты обнаружишь себя, готовящимся к отбытию на "Ной".

Смерть в сладком сне. Чертовски привлекательно.

– Никто не выжил? – спрашиваю я.

Успокаивающий образ кивает:

– Никто. Реального мира нет. Вопрос в том, сколь долго ты ещё хочешь оставаться здесь.

Я закрываю глаза и говорю:

– Я хочу прекратить. Но не в царстве грёз. Вы можете показать мне последние минуты реальности? Моей. Настоящей.

– Я постараюсь, – отвечает мистер Морти.

000

– Коли, Джонни! – кричит Дэннис. – Не тяни кота за мошонку!

Он уже вколол вакцину и с важным видом расхаживает по гостиной.

– Я не тяну! – огрызаюсь я, но следую его совету.

Затем осматриваю помещение. Мне хочется запечатлеть в памяти всё, чем мы жили прежде. Прежде, чем мы уйдём в новый мир постапокалипсиса.

На часах застыли зелёные "07:00". Кэтрин сидит на диване и читает роман Оруэлла "1984". Моя любимая книга, которую я советую всем. Лучшая антиутопия всех времён.

Карл разглядывает висящий на стене постер фильма "На последнем берегу". Поистине дьявольский символизм. У нас – эпидемия, по сюжету – радиация, вызванная ядерной войной между Китаем и США. В реальности и в кино Австралия остаётся последним оплотом цивилизации. Людей, как ни странно, ожидает хэппи-энд, персонажей – неминуемая гибель. Обычно бывает наоборот.

За столом расположился мистер Морти – консультант "Корпорации Спасения", отец Джаспера. Сам Джаспер пялится на плазму. Я включил подборку клипов группы "Блю мен груп". Парни в синих масках в образе инопланетян виртуозно играют с помощью труб из поливинилхлорида и воздушных шпагов. Конкретно сейчас идёт один из их главных хитов – "Персона". Клип – шедевр. О том, как все мы носим маски, сливаемся с толпой и гибнем в рутине будней. А тех, кто пытается снять маску, ждёт тёмная комната с такими же ослушниками системы.

– Вакцина точно защитит нас от эпидемии? – с сомнением спрашиваю я.

– Так написано в инструкции, – отвечает мистер Морти и демонстрирует мне стопку бумаг. – Как там на самом деле – никто не знает. Корпорация умерла. Теперь спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Поблагодарите судьбу, что я успел стащить несколько доз.

– А есть побочные эффекты или что-то в таком роде? – спрашивает Кэтрин с дивана.

Консультант пожимает плечами:

– Не знаю. Это новинка. Они не успели завершить испытания. Тут сказано, что возможны проблемы с памятью. Но это ведь не такая уж большая плата за жизнь?

– Действительно, – отвечает Дэннис и подходит к окну. – Большинство жителей этой планеты умрёт, а мы выживем. Естественный отбор. На Земле будет ад, но мы украдём для себя частичку рая с вечных небес. Небесам ведь всё нипочём. Верно, Джонни?

Я заканчиваю с приготовлениями, шагаю к настенному зеркалу и наблюдаю себя в непривычном облики. На меня смотрит человек в деловом костюме и с застывшим точно маска лицом.

На комодке возле зеркала стоит старая фотография. Там мы с Ванессой. Молодые и счастливые. Никогда не прощу себя за то, что не успел спасти её. А она так и не простила мне мелкой служебной интрижки с Пэйдж. От этого ещё больнее. Я бы отдал всё за возможность оказаться с ней рядом...

На душе оседает неприятный осадок, перемешанный с необъяснимым страхом перед будущим. Я подхожу к Дэннису, смотрю в окно на серое небо Аделаиды и невольно замечаю:
– Кажется, небеса давно умерли.